

43

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМЪ III.

СУДЬБЫ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ. ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО. УСТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ЛОМОНОСОВЪ.

А. Н. ПЫПИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин.
1899

2696

Въ предисловіи къ I-му тому мы указывали, почему нашли нужнымъ отступить отъ обычнаго приѣма—изложенія народной поэзіи въ самомъ началѣ литературной исторіи: въ томъ составѣ, какъ мы знаемъ народную поэзію теперь, это—явленіе сравнительно позднее, съ архаическими остатками и съ новыми наслоениями и образованіями, между прочимъ именно подъ книжнымъ позднимъ вліяніемъ, и въ виду послѣдняго она не можетъ стать во главѣ исторіи, какъ исходный пунктъ. Съ этой точки зрѣнія мы остановились на народной поэзіи только въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ: современное положеніе вопроса мы указывали въ библиографическихъ примѣчаніяхъ. Критики серьезные признали основанія этого изложенія. Цѣлый вопросъ о народной поэзіи все болѣе усложняется съ развитіемъ науки, отражающимся новыми изысканіями и у насъ: объясненіе народной поэзіи связывается съ археологіей быта, міѳологіей, христіанскими древностями и исторіей легенды, психологіей народнаго творчества и языка, изученіемъ поэтической формы и музыкальнаго ритма. Эти точки зрѣнія частію намѣчены и у насъ, но изслѣдованія въ большинствѣ вопросовъ едва начаты. Цѣльное изложеніе народной поэзіи,—не только въ ея историко-литературныхъ отношеніяхъ,—потребовало бы особаго обширнаго труда, котораго я не имѣлъ въ виду.

Въ томъ же предисловіи замѣчено, что въ изложеніи новаго періода русской литературы необходимъ другой приѣмъ. Если старая письменность нерѣдко почти не знала хронологіи, и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ держались однородныя направленія и складъ памятниковъ, то здѣсь хронологическая послѣдователь-

ность и возростаніе есть существенная черта и интересъ исторіи, —каждое поколѣніе приносить новую ступень развитія. Въѣстѣ съ тѣмъ факты новой литературы болѣе извѣстны. Это опредѣлило программу второго отдѣла моего труда. Историческое изложене можетъ ставить разныя задачи: болѣе или менѣе подробный инвентарь фактовъ—біографію писателей и исторію книгъ; или историко-эстетическую оцѣнку художественнаго творчества въ разныхъ областяхъ поэзіи; или исторію общественности, какъ отражалась она въ литературѣ, и т. п.; я имѣлъ въ виду объясненіе основныхъ явленій въ историческомъ движеніи новой литературы, ея развитія въ направленіи художественномъ и общественномъ.

Съ особенной подробностью я остановился на томъ историческомъ переломѣ, который произведенъ былъ реформой Петра. До сихъ поръ повторяется мнѣніе объ этой эпохѣ, какъ о насильственномъ перерывѣ національнаго развитія, будто бы требующемъ исцѣленія, возврата къ старинѣ, отрицанія европейской цивилизаціи; безпристрастная оцѣнка фактовъ указываетъ, напротивъ, какъ издавна, задолго до временъ Петра, возникаетъ это движеніе, и какъ оно развивается въ послѣдствіи, органически разрастаясь, даже независимо отъ воздѣйствій Петра и несмотря на весь упадокъ преобразовательной дѣятельности при его преемникахъ. Какъ Петръ Великій былъ, въ чертахъ своего времени, могучимъ образцомъ русскаго человѣка, такъ въ половинѣ столѣтія самымъ сильнымъ представителемъ движенія является другой чисто русскій человѣкъ, Ломоносовъ.

Реформа была только выраженіемъ настоятельной потребности государства и народа въ новомъ просторѣ для ихъ жизненной силы. Разладъ въ народной жизни, „расколъ“, произошелъ задолго до Петра, въ условіяхъ стараго русскаго быта, и поддерживался только тѣми же условіями, нерешедшими и въ новый историческій періодъ. Реформа шла поверхъ этого явленія, ставя новыя широкія задачи. За дѣломъ государственнымъ, за внѣшнимъ утвержденіемъ національнаго бытія, и рядомъ съ нимъ, шло первое, хотя неполное и колеблющееся установленіе науки—невѣдомой прежде области, открывавшейся для народ-

наго ума; и чрезвычайно характерно исторически, что самую крупную силою въ этомъ направленіи сталъ въ XVIII вѣкѣ Ломоносовъ, человѣкъ изъ народа. Наперекоръ тому, что говорилось объ измѣнѣ народности, о рабской подражательности XVIII вѣка, видимъ, что въ первыхъ нескладныхъ опытахъ для созданія будущей новой поэзіи ищутъ уже ея формы въ народной пѣснѣ, и Ломоносовъ, извлекая изъ чужой школы убѣжденіе въ единствѣ науки для всякаго просвѣщеннаго народа, ведетъ, даже съ необузданными крайностями, борьбу за „собственное и природное“.

Наука давалась не вдругъ; ее должно было завоевать трудами многихъ поколѣній, чтобы обогатить ея содержаніемъ національную жизнь. И точно также только трудомъ многихъ поколѣній могло быть приобрѣтено и стать національнымъ достояніемъ и нравственной силою пониманіе искусства, вообще, и въ частности—поэзіи. И здѣсь, при всемъ естественномъ авторитетѣ иноземныхъ образцовъ, съ первыхъ опытовъ пробиваются уже черты русскаго содержанія и проблески будущаго разцвѣта поэтическаго языка.

Изученіе этого процесса развитія новой литературы отъ временъ Петра и Ломоносова до самобытныхъ созданій Пушкина и Гоголя составляетъ задачу второго отдѣла моего труда. Я останавливался поэтому только на главныхъ явленіяхъ, опредѣлявшихъ постоянный ростъ внѣшнихъ формъ и внутренняго содержанія литературы, на ряду съ расширеніемъ общественной мысли. Явленія второстепенныя, писатели и произведенія второй величины имѣютъ свое важное историческое значеніе, какъ детальныя проявленія господствующаго теченія, но вообще онѣ не измѣняли основнаго процесса; излагать ихъ сполна, при изобильномъ мною планѣ, значило бы отвлекать вниманіе отъ главной темы, и я даю имъ мѣсто въ біографическихъ и библіографическихъ дополненіяхъ.

Нѣкоторые строгіе судьи считали какъ будто излишними цитаты, какія приводилъ я изъ важнѣйшихъ историческихъ изслѣдованій; но я дѣлалъ это именно съ намѣреніемъ: по характеру своей работы, передавая составъ вопроса, я въ то же время хо-